

Ю.Е. Березкин

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ПОЛИТОГЕНЕЗ*

Любая наука существует для ответа на два вопроса: «Как устроено?» и «Как возникло?» Антропология и ее разделы — не исключение. Именно этим легко объяснить, почему изучением политических (или потестарно-политических) отношений занимаются представители двух разных антропологических школ, между собой почти не взаимодействующих. Хотя их можно назвать английской и американской, у обеих со временем появились последователи и в других странах

Английская школа, основанная А. Рэдклифф-Брауном, интересуется устройством и функционированием живых обществ, а ее главное «поле» всегда находилось в Африке. Этот выбор вряд ли был обусловлен только лишь географией английской колониальной империи. Африка южнее Сахары до недавних пор являлась регионом без древней истории. Процесс появления сложных политических образований, существовавших здесь ранее начала активной транссахарской торговли и контактов с Азией через порты восточного побережья, и сейчас еще слабо изучен. Археологические исследования на континенте дороги и порою небезопасны, а древние памятники, за редкими исключениями, незаметны в современном

* Статья написана в рамках проекта РФФИ № 11-06-00441а «Динамика централизации–децентрализации традиционных социально-политических систем Старого и Нового Света по археологическим, историческим и этнографическим данным». Вариант этой статьи, задуманный год назад, превратился в монографию [Березкин, в печати]. Статья, которую читатель видит перед собой, включает некоторые выводы, содержащиеся в книге в более развернутом, но менее концентрированном виде. Источники сведений для таблиц с определенными характеристиками древних обществ в части, касающейся Южной Америки и Передней Азии, содержатся в монографии. Данные по обществам Китая взяты в основном из [Деопик 2009; Лаптев 2006; Lee 2004; Liu 2003; 2005; Sage 1992]. При подготовке таблиц использованы некоторые материалы других участников проекта, а именно М.В. Палагута (Балкано-Карпатский регион) и Д.Д. Беляева (Мезоамерика).

ландшафте. Большинство технологических достижений, которые обусловили демографический рост и усложнение социальной структуры, проникали в Африку южнее Сахары со стороны, в основном из Азии, от VI–V тыс. до н.э. и вплоть до периода европейской колонизации. Понятно, что те регионы, в которых процесс культурной эволюции шел под влиянием мощных внешних воздействий, представляют для исследователей политогенеза меньший интерес, чем те, в которых развитие происходило спонтанно. В то же время сеть надобщиных политических связей в Африке южнее Сахары отличается исключительной сложностью, а выделение в пределах этой сети отдельных единиц и их типология — одна из труднейших и вместе с тем интереснейших задач, с которыми сталкивается социальная антропология.

Американская школа, связанная прежде всего с именем Дж. Стьюарда, всегда была занята поиском ответа на вопрос «Как возникло?» Для этого опять-таки существуют свои причины. Вначале это был интерес к изучению прошлого, свойственный старой немецкой науке. Если в самой Германии он породил фантастические построения миграционистов, то, переместившись вместе с Ф. Боасом и его учениками в Новый Свет, приобрел позитивистскую взвешенность, не отказавшись от прежних целей. Когда ученики Боаса размежевались на впавших в ересь психологического редуционизма и на признававших возможность и необходимость изучения дописменной истории, основным «полем» для неозволюционистской антропологии стал Новый Свет. Работать здесь было проще, чем где-то за океаном, а памятники прошлого во многих районах были заметны на каждом шагу. Главное же, что процесс развития культуры от заселения Америки до Колумба шел поразительно быстро и динамично, так что его изучение в диахронии немедленно принесло плоды.

Во второй половине XX в. два направления в политической антропологии, наметившиеся еще до Второй мировой войны, разошлись окончательно. Английская школа естественным образом вписалась в магистральный тренд современной антропологии — изучение общностей и процессов, существующих и протекающих на наших глазах. Стьюардовская школа почти целиком ушла из антропологии в археологию, поскольку именно эта наука взяла на себя львиную

долю работы по изучению прошлого. Антропологов, которые занимаются эволюцией политических систем и остаются при этом в границах именно этой дисциплины, остались считанные единицы. Другим антропологам результаты их исследований, как правило, безразличны — зная о трудностях изучения современных обществ, коллеги слабо верят в возможность реконструкции и классификации обществ древних и для прямого наблюдения недоступных.

Другое дело — археология. Большинство археологов, работающих в тех регионах, где процессы политогенеза протекали динамично и где системы разного типа сменяли друг друга во времени, по-прежнему относятся к Дж. Стьюарду, Г. Чайлду и Л. Уайту как к отцам-основателям. Конкретные выводы корифеев нередко подвергаются критике, но заложенное ими направление успешно развивается. В поисках типологической сетки, с которой можно было бы сопоставить известные по данным раскопок древние общества, археологи продолжают обращаться если не прямо к отцам-основателям, то к разработкам 1970–1980-х годов, когда такие понятия, как «вождество» и «раннее государство» особенно активно обсуждались [Carneiro 1970; 1987; Claessen et al. 1985; D’Altroy, Earle 1985; Drennan et al. 1987; Earle 1987; Jones, Kautz 1981; и мн. др.].

Однако археология и антропология — это все же разные дисциплины. Если последователи английской социальной антропологии работали и работают с живыми информантами, то ни один антрополог-эволюционист не наблюдал и не мог наблюдать среднemasштабных и раннегосударственных обществ, устройство которых его коллеги обсуждают десятилетиями. Речь может идти лишь об обществах, давно утративших самостоятельность и встроенных в политические системы современного мира. Основные данные, которыми пользуются антропологи, занимающиеся изучением политогенеза, почерпнуты либо из ранних источников от Античности до XVIII в., либо из археологических публикаций.

Любимое занятие американских археологов, раскапывающих памятники древних цивилизаций — сперва расклассифицировать общества по заимствованным у антропологов типологическим ячейкам, чаще всего по ступенькам «четырехчленки» стьюардovской школы, а затем подвергнуть эти

заклучения сомнению (например: [Quilter, Koons 2012]). В российской науке стьюардовская «четырёхчленка» не прижилась — отчасти потому, что для большинства обществ, существовавших на территории бывшего СССР, она подходит гораздо хуже, чем для Нового Света, отчасти из-за знакомства с ней в тот период, когда сами американские антропологи стали относиться к универсальным типам вообще и концепции вождества в частности все более критически. Для российской науки были характернее дискуссии относительно государственного или негосударственного статуса политических образований у народов Великой Степи, но к материалам археологии участники этих споров почти не обращались. Однако и в этом случае исследователи старались сопоставить весьма специфический материал с набором универсальных понятийных ячеек.

В спорах о типологии древних обществ заметны признаки «аргументации по кругу». Археологи пытаются наклеить антропологические ярлыки на свои материалы, а изучающие политогенез антропологи готовы привлекать данные археологии для создания классификаций. Это не значит, что конкретные выводы тех и других всегда необоснованны, а концептуальные предложения сомнительны. Например, почти гениальной находкой стало предложение считать общества, которые в тех или иных отношениях отличаются от классического вождества и раннего государства или о которых вообще малоизвестно, «аналогами вождеств» и «аналогами государств» [Гринин 2006; Гринин, Коротаев 2012; Grinin, Korotayev 2011]. Этим мы избавляемся от необходимости придумывать новые термины и определяем примерное место обществ в перспективе эволюции человечества. Однако сама шкала эволюции все равно остается описанной языком антропологии даже там, где материалы получены только в ходе раскопок.

Число лучше или хуже изученных археологами древних обществ, которые были устроены сложнее общины из нескольких сотен людей, но не обладали со всей очевидностью признаками развитых государств, измеряется многими сотнями, и с публикациями по большинству из них антропологи не знакомы. Но даже если бы они и были лучше начитаны в археологической литературе, само по себе это мало повлияло бы на развитие политической антропологии. Археологи

изучают не отношения между людьми, а характер оставленных людьми материальных остатков. Пытаться создать типологию, опираясь на археологические материалы и при этом используя термины, созданные антропологами, есть то же самое, что напрямую отождествлять археологические культуры с носителями определенных языков. Антропологи или лингвисты должны принимать данные археологии к сведению, но лишь как сырые источники, требующие критической оценки специалистов по другой дисциплине. Точно так же, как древняя керамика бывает прочерченной или расписной, но не индоевропейской или дравидской, монументальные платформы или курганы сами по себе не делятся на возведенные в государствах, вожествах или же в их аналогах.

Нет сомнений, что материалы археологии отражают процессы политической эволюции. Однако описывать эти процессы необходимо прежде всего в терминах самой археологии. Перевод полученных результатов на язык антропологии есть задача вторичная и, как всякая квадратура круга, до конца не решаемая.

Какие же факты, известные по материалам археологии, можно использовать в качестве свидетельств усложнения политической организации? Мы отобрали несколько категорий данных. Все они отличают культуры, существовавшие на протяжении последних тысячелетий, от более ранних, в которых подобных свидетельств нет. С какими конкретно формами социополитической организации соответствующие факты связаны, вопрос почти всегда спорный. Трудно даже утверждать, что все те общества, для которых какого-либо из подобных свидетельств нет, были устроены проще всех тех, для которых оно обнаружено. Однако в совокупности и статистически связь рассматриваемых категорий данных с усложнением социополитической организации сомнений не вызывает.

Отобранные категории таковы.

1. Крупные общественно-культовые сооружения. Любые объекты сочетают практическую направленность с символической ценностью. Тем не менее в некоторых преобладает утилитарная функция (каналы, сельскохозяйственные террасы и пр.), а в других — символическая. Определить размеры коллективов, создававших утилитарные сооружения, крайне непросто, поскольку отдельные группы строителей могли

действовать по собственной инициативе, побуждаемые практическим интересом. Но неутилитарные сооружения с высокой вероятностью предполагают наличие в обществе хоть какого-то организационного центра.

Общественные работы свидетельствуют о координации труда многих людей и соответственно о существовании больших и достаточно сплоченных коллективов. Сложность представляет оценка времени, ушедшего на создание объектов, и определение той границы, после которой объект следует считать «крупным». Универсальных критериев нет, но в пределах одной культурной традиции даже простое сравнение объемов перемещенного грунта по периодам отражает динамику изменения социальной структуры. Конкретные формы управления коллективами реконструкции не поддаются. В качестве свидетельства политической сложности особое место занимает монументальная скульптура, требующая как специальных навыков обработки камня, так и коллективных усилий по транспортировке и установке тяжелых блоков.

Добавим, что отделить культовые сооружения от административно-общественных невозможно не только по данным археологии, но порой и на основании этнографических наблюдений. Соответственно определение точного функционального назначения монументальных объектов, лишенных явного утилитарного назначения, не является критически важной задачей. Примером служат данные по индейцам коги на северо-востоке Колумбии. Коги — прямые потомки создателей доиспанской культуры тайрона, которые после ожесточенной борьбы с испанцами ушли с карибского побережья в горы Сьерра-Невада-де-Санта-Марта. Традиция коги — единственная в пределах андского пояса Южной Америки и юго-востока Центральной Америки, которая не является синкретической, а прямо продолжает существовавшую до Колумба. Данные о постройках особого статуса, собранные среди коги в середине XX в., и о лицах, которые принимают решения, показывают, что эти объекты можно с одинаковым правом именовать деревенскими храмами либо административными центрами, а людей — жрецами либо главами общин [Reichel-Dolmatoff 1975: 201–202; 1985: 137–141].

2. Наличие изделий, производство или доставка которых объективно дороги, причем утилитарная полезность предме-

тов, если она вообще присутствует, не оправдывает затраченного труда. Речь идет об изделиях как из редкого сырья (из драгоценных металлов, камней редких пород, экзотических раковин), так и из доступного. В последнем случае высокая стоимость предметов определяется дефицитом специалистов, способных их изготовить. Это высококачественная керамика, орнаментированные, сложные в изготовлении ткани и прочие «предметы искусства», создание которых требует профессиональной квалификации. Сокровища в захоронениях,кладах и жертвенниках свидетельствуют о существовании лиц, облеченных властью («вождей»), поскольку ценностями распоряжаются конкретные люди — по крайней мере, де-факто.

3. Крупные поселения. Жизнь в них при отсутствии современных средств снабжения и санитарии имела очевидные неудобства по сравнению с жизнью в небольших деревнях и хуторах близ сельскохозяйственных и промысловых угодий. Эти минусы должны были перекрываться преимуществами, проистекающими из контактов значительного числа людей. Прямой же контакт многих сотен и тем более тысяч людей предполагает наличие механизмов управления коллективом. Преимущества совместного проживания могли быть связаны с влиянием двух независимых факторов. Первый — это особенности социополитической организации, требовавшей общения членов коллектива друг с другом. Второй — внешняя угроза и нужды обороны.

Понятно, что никакой определенной границы между крупными и некрупными поселениями установить невозможно — важен вектор изменений, характерный для региона. Примерно же речь идет о коллективах с числом жителей порядка тысячи человек и более. Археологические материалы прямой информации о численности коллективов не содержат, такого рода сведения вычисляют на основе данных о площади поселений и плотности застройки. Оценки обычно расходятся в два-три раза, но все же не на порядок.

4. Иерархия поселений по размеру и различия в характере сооружений на поселениях разного ранга. Предполагается, что четырехуровневая иерархия свидетельствует о возникновении государства, трехуровневая — о наличии сложных, а двухуровневая — простых вожеств. Однако невозможно

сказать наверняка, в какой степени системы поселений отражают иерархию в принятии решений в тех или иных древних обществах. Известно лишь, что в обществах, в которых государственная организация заведомо существовала, поселения резко различаются по размеру.

Если данные о системах поселений специально собирались, для изучения политогенеза этот признак часто является основным. Однако классификация поселений по размеру надежна лишь там, где их площадь различается в несколько раз, а это бывает далеко не всегда. Другая проблема — границы общности, для которой делается оценка. Так, для побережья Перу с середины II тыс. до н.э. и до середины I тыс. н.э. можно надежно выделить четыре уровня иерархии, если делить всю территорию на зоны влияния крупнейших центров, но лишь три или два уровня, если ограничиваться пределами отдельных оазисов. Влияние крупнейших центров наверняка выходило за пределы отдельных долин, но в каких конкретно формах оно выражалось, сказать невозможно.

Названные категории признаков независимы друг от друга. Встречаются очень крупные поселения, вокруг которых нет центров второго порядка (например, Шахри-Сохте в Сисстане III тыс. до н.э.) или не выявлено даже деревушек и хуторов (Алтын-депе на юге Туркмении в III тыс. до н.э.). Для III–II тыс. до н.э. в Перу нет богатых захоронений, имущественная дифференциация погребений лишь намечена, однако общественно-культовые сооружения достигают гигантских размеров. Таких примеров можно привести много.

Чтобы продемонстрировать степень вероятного разнообразия форм общественной организации, отраженного в несомненном и очевидном разнообразии археологических свидетельств, ниже помещены таблицы, в которых приведены данные по некоторым хорошо известным специалистам ранним сложным обществам.

Для большей компактности и наглядности данные эти предельно обобщены. В категорию монументальных сооружений попадают как имеющие объем порядка 1–2 тыс. куб. м, так и в тысячу раз более массивные. Сокровища — это и 200 кг золота из колумбийского могильника Малагана или невероятно сложные в изготовлении и художественно совершенные ткани культуры топара на полуострове Пара-

кас, а также относительно небольшие изделия из золота и несколько более значительные из серебра в майкопской культуре. Наличие золота все же отмечено специально, поскольку соответствующие погребальные комплексы резко выделяются на общем фоне. Что касается построек общественно-культового характера, то особо оговорены лишь те случаи, когда массивы насыпей и платформ невелики, вряд ли требуя для своего возведения более 1 тыс. человеко-часов, а также когда речь идет о домах большого размера и, вероятно, специального назначения, которые в пределах поселения не выделены планировочно, а включены в жилую застройку. На наличие каменной скульптуры указано там, где она служит главным свидетельством крупномасштабных общественных работ. Кроме абсолютных размеров, следует учитывать положение объектов в культурном контексте. «Большой Бассейн» может считаться небольшим сооружением для Мохенджо-Даро, но он бы выглядел весьма значимо среди неолитического поселка.

При всей фрагментарности и схематичности приведенные данные позволяют проследить существенные закономерности.

Начнем с территории от долины Инда до карпато-балканского ареала. Древние культуры этой зоны были исторически связаны между собой, в большей или меньшей степени восприняв результаты переднеазиатской «неолитической революции». Более того: в состав их создателей вошли прямые потомки тех мигрантов из Передней и Малой Азии, которые начали расселяться в результате демографического взрыва, обусловленного становлением производящего хозяйства в конце X — начале VIII тыс. до н.э. Тем не менее на ранних этапах политогенеза свидетельства усложнения общества в рассматриваемом регионе поразительно разнообразны.

Древнейшее сложное общество мира, создавшее монументальный центр Гёбекли-тепе, вообще не имеет аналогов. Данное общество находилось в процессе перехода от присваивающей экономики к производящей и, по-видимому, сохраняло значительную сезонную мобильность. Как предположил руководитель раскопок К. Шмидт, традиция Гёбекли-тепе оборвалась именно из-за перехода к земледелию и утраты своих позиций той элитой (Шмидт называет ее «шаманами»), которая сформировалась в совершенно иных

Таблица 1

Распространение признаков усложнения общественной организации в некоторых культурах Старого Света

Название	Датировка	Монументальные сооружения	Поселения с числом жителей 1500–1700	Поселения с числом жителей 7500 и более	Сокровища	3–4-х ранговая система поселений
ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ						
Гёбекли-тепе: верхний Евфрат	9500–8500 до н.э.	есть	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>
Ашикли-хеюк: Анатолия	7500–7000 до н.э.	<i>нет</i>	есть	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>
Чатал-хеюк: Анатолия	7400/7000–6200/6000 до н.э.	<i>нет</i>	есть	возможно	<i>нет</i>	<i>нет</i>
Айн-Газаль: Южный Левант	7500–7000 до н.э.	<i>нет</i>	есть	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>
Поздний убейд: Месопотамия	4500–4000/3800 до н.э.	<i>нет</i>	есть	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>
Энеолит южного Леванта	5200–3500 до н.э.	<i>нет</i>	есть?	<i>нет</i>	есть	нет?
Тель-Брак: Верхняя Месопотамия	4200/4000–3500	есть?	есть	есть	есть?	есть?
Урук VI–IV: Нижняя Месопотамия	3600–3100/3000 до н.э.	есть	есть	есть	нет?	есть
Раннединастический Шумер	2900–2300 до н.э.	есть	есть	есть	есть	есть
ПЕРИФЕРИЯ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ						
Майкоп: Северный Кавказ	4000/3800–3000 до н.э.	есть (курганы)	<i>нет</i>	<i>нет</i>	ЗОЛОТО	<i>нет</i>

Продолжение таблицы 1

Название	Датировка	Монументальные сооружения	Поселения с числом жителей 1500–1700	Поселения с числом жителей 7500 и более	Сокровища	3–4-х ранговая система поселений
Периоды 1–2 основного этапа хараппской культуры	2600–2200 до н.э.	небольшого размера, включены в застройку	есть	есть	<i>нет</i>	есть
Шахри-Сохте: Систан	3100/3000–2200 до н.э.	<i>нет</i>	есть	есть	<i>нет</i>	<i>нет</i>
Илгынлы-депе: южная Туркмения	4000–3000 до н.э.	<i>нет</i>	есть	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>
Алтын-депе, период Намазга IV: южная Туркмения	3000–2250 до н.э.	небольшого размера	<i>нет</i>	есть	<i>нет</i>	<i>нет</i>
Гонур-депе: южная Туркмения	2200/2150–1800 до н.э.	есть	<i>нет?</i>	<i>нет</i>	золото	<i>есть?</i>
Варна: Болгария	4400/4300–4000/3900 до н.э.	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>	золото	<i>нет</i>
Триполье VII–CI: Украина	3600–3200 до н.э.	<i>нет</i>	есть	есть	<i>нет</i>	<i>нет</i>
Усатово: Украина	3100–2800 до н.э.	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>	есть	<i>нет</i>
КИТАЙ						
Ляншенжень: Шаньдун	2500–2000?	<i>нет</i>	есть	<i>есть?</i>	<i>есть?</i>	<i>есть?</i>

Название	Датировка	Монументальные сооружения	Поселения с числом жителей 1500–1700	Поселения с числом жителей 7500 и более	Сокровища	3–4-х ранговая система поселений
Таоси, ранний и средний периоды: Шаньси	2600–2100 до н.э.	есть	есть	есть	есть	есть?
Лянчжу: Чжэцзян	2700–2400	есть?	есть	есть?	есть	есть?
Эрлитоу: Хэнань	1800–1550 до н.э.	есть	есть	есть?	есть	есть
Янши: Хэнань	1550–1400 до н.э.	есть	есть	есть?	есть?	есть
Аньян: Хэнань	1400–1050 до н.э.	есть	есть	есть	есть	есть
Учэн: Цзянси	1700/1400–1100?	есть?	есть	есть?	есть	есть?
Саньсиндуй: Сычуань	1500–1100? до н.э.	есть	есть	есть?	есть	есть?

условиях [Schmidt 1999: 14]. Показательно, что уже в строениях верхнего слоя Гёбекли-тепе стелы становятся гораздо меньше размером [Корниенко 2011: 84; Schmidt 2001: 49]. Дальнейшая тенденция развития систем поселений в Передней Азии и более восточных районах (Иран с прилегающими к нему областями) была, видимо, одинакова, хотя на юге Туркмении она прослеживается с опозданием почти на 3 тыс. лет. Вместо обслуживавшего рассеянное население крупного ритуального центра появляются деревни с небольшими святилищами. Таковы анатолийский Ашикли-хеюк, и Песседжик-депе джейтунской культуры, и, весьма вероятно, Айн-Газаль, и другие крупные поселения юга Леванта, возникшие в конце докерамического неолита Б. На следующем этапе появляются поселения без специализированных святилищ, в которых все ритуальные действия осуществля-

Таблица 2

**Распространение признаков усложнения
общественной организации в некоторых культурах Нового Света**

Название	Датировка	Монументаль- ные сооружения	Поселения с числом жителей 1500–1700	Поселения с числом жителей 7500 и более	Сокровища	3–4-х ранговая система поселений
ЦЕНТРАЛЬНЫЕ АНДЫ						
Норте-Чико: север побере- жья Перу	3000/2750– 2000 до н.э.	есть	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>
Культура манчан: центральное побережье Перу	1850–900 до н.э.	есть	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>
Сечин-Альто и Пампа-де-лас- Льямас — Мохеке: долина Касма, север побережья Перу	1600–1250 до н.э.	есть	есть	<i>нет</i>	<i>нет</i>	есть?
Кабальо-Муэр- то: долина Моче: север побережья Перу	1500–900 до н.э.	есть	<i>есть?</i>	<i>нет</i>	<i>есть?</i>	<i>нет</i>
Кунтур-Уаси, север горной области Перу	4500– 4000/3800 до н.э.	есть	<i>нет?</i>	<i>нет</i>	ЗОЛОТО	<i>нет</i>
Чавин-де- Уантар, север горной области Перу	1500/1200- 500/400 до н.э.	есть	есть	<i>нет</i>	ЗОЛОТО	<i>нет</i>
Санта-Роса: долина Чинча, юг побережья Перу	500 до н.э. — 0/200 н.э.	есть	<i>есть?</i>	<i>нет</i>	есть	<i>нет</i>

Продолжение таблицы 2

Название	Датировка	Монументаль- ные сооружения	Поселения с числом жителей 1500–1700	Поселения с числом жителей 7500 и более	Сокровища	3–4-х ранговая система поселений
Кауачи: долина Наска, юг побережья Перу	100–350 н.э.	не- боль- шого разме- ра	есть	нет	есть?	есть?
Серро-Арена: долина Моче, север побережья Перу	400-200 до н.э.	нет	есть	нет	нет	нет
Гальинасо: долина Виру, север побережья Перу	100 до н.э. — 100 н.э.	есть	есть	есть	нет	есть
Уакас-де-Моче (культура мочика), север побережья Перу	200–800 н.э.	есть	есть	есть	золото	есть?
Пампа-Гранде (культура мочика), север побережья Перу	650–750 н.э.	есть	есть	есть	золото	есть
Пашаш (культура рекуай), север горного Перу	200–600 н.э.	есть	есть?	нет	есть	есть?
Пукара: юг горного Перу	200 до н.э. — 200 н.э.	есть	есть	нет?	есть	есть
Тиауанако: горная Боливия	400–1150 н.э.	есть	есть	есть	есть	есть
Уари: юг горного Перу	600–900 н.э.	есть	есть	есть	есть	есть

Продолжение таблицы 2

Название	Датировка	Монументальные сооружения	Поселения с числом жителей 1500–1700	Поселения с числом жителей 7500 и более	Сокровища	3–4-х ранговая система поселений
Ранние инки: юг горного Перу	1200–1400	<i>нет</i>	есть	<i>нет</i>	<i>нет</i>	есть
Чимор: север побережья Перу	950–1475 н.э.	есть	есть	есть	есть	есть
ЭКВАДОР, КОЛУМБИЯ, ПАНАМА, КОСТА-РИКА						
Реаль-Альто: побережье Эквадора	2750–2500 до н.э.	<i>нет</i>	<i>есть?</i>	<i>нет</i>		<i>нет</i>
Толита: побережье Эквадора	300 до н.э. — 200 н.э.	небольшого размера	есть	<i>нет</i>		есть
Мантеньо: побережье Эквадора	800–1500 н.э.	каменная скульптура	есть	<i>нет?</i>		<i>есть?</i>
Малагана: юг горной Колумбии	0–400 н.э.	<i>нет</i>	<i>есть?</i>	<i>нет</i>	ЗОЛОТО	<i>есть?</i>
Сан-Агустин: юг горной Колумбии	0–800 н.э.	каменная скульптура	<i>нет</i>	<i>нет</i>	золото (не в погребениях)	<i>нет?</i>
Тайрона: север горной Колумбии	1200–1550 н.э.	включены в застройку	есть	<i>нет</i>	ЗОЛОТО	есть

Название	Датировка	Монументальные сооружения	Поселения с числом жителей 1500–1700	Поселения с числом жителей 7500 и более	Сокровища	3–4-х ранговая система поселений
Муиски: север горной Колумбии	1200/1550 н.э.	включены в застройку	есть	<i>нет</i>	золото	есть
Ситио-Контэ (культура коклэ): Панама	750–950 н.э.	небольшого размера	есть	<i>нет</i>	золото	есть?
Чирики: Коста-Рика	800–1400/1500 н.э.	включены в застройку	есть	есть?	золото	есть
МЕЗОАМЕРИКА						
Пасо-де-ла-Амада, тихоокеанское побережье Чьяпаса	1650/1550–1300 до н.э.	небольшого размера	есть	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>
Сан-Лоренсо: низменности Табаско	1400/1300–1300 до н.э.	есть	есть	<i>нет</i>	есть	есть
Монте-Альбан II: Оахака	100 до н.э. –200 н.э.	есть	есть	есть	есть	есть

лись в жилых помещениях домохозяйств. Примером служат не только всемирно известный Чатал-хеюк, но и Илгынлы-депе в Южной Туркмении и, очень вероятно, убейдское поселение Телль-Абада в Ираке. В V тыс. до н.э. в убейдской культуре вновь появляются храмы, но первоначально они мало отличались от обычных домов и были, по-видимому, включены в жилую застройку. И лишь после «городской революции» в Нижней Месопотамии, проходившей в контексте урукской культуры, храмы приобретают монументальность. То же, причем несколькими столетиями раньше, могло иметь место в Верхней Месопотамии (Телль-Брак и Хамукар), хотя данные на этот счет пока довольно отрывочны.

По крайней мере до середины, а, может быть, до конца IV тыс. до н.э. в культурах Сирии и Месопотамии нет ни сокровищ, ни значительной дифференциации погребений. Отсутствие как сокровищ, так и монументальных общественно-культурных сооружений указывает на преобладание горизонтальных, а не вертикальных связей между социальными группами и о контроле элиты скорее над распределением продуктов потребления, нежели над циркуляцией престижных ценностей и эзотерическими знаниями [Stein 1994].

На периферии переднеазиатского ареала развитие шло по-иному. В южном Леванте в конце V или начале IV тыс. появляются сокровища (знаменитый клад ритуальных медных изделий в пещере Нахаль-Мишмар), хотя монументальной архитектуры нет. Материалы по Закавказью пока недостаточно известны. Однако, поскольку майкопская культура наверняка была создана мигрантами с юга, можно предполагать, что и в Закавказье в IV тыс. до н.э., то есть в урукское время, сокровища уже были.

На Балканах мы видим еще один вариант развития. Поселение, где жили люди, похороненные в Варненском могильнике, не найдено и, скорее всего, оказалось уничтожено прежде, чем археологи сумели его исследовать. Размеры его, соответственно, не известны, но специалисты предполагают, что речь может идти скорее о многих сотнях, чем о немногих тысячах жителей. В то же время золотые вещи из погребений Варны представляют для V тыс. до н.э. такое же уникальное явление, как и огромные каменные стелы с рельефами в святилищах Гёбекли-тепе для X–IX тыс. до н.э.

Поселения-гиганты трипольской культуры — еще одно необычное явление. Они ничем принципиально не отличаются от рядовых трипольских деревень, но размеры некоторых из них и число обитателей (до 10 тыс. чел.) соответствуют размерам и числу обитателей протогородских центров.

Наконец, специфический вариант развития демонстрируют поселения Ирана и южной Туркмении, а также долины Инда в III тыс. до н.э. В это время здесь практически нет ни сокровищ (хотя золото и серебро были известны), ни значительных памятников монументальной архитектуры, однако поселения велики по размеру. Если на Алтын-депе могло жить 7–8 тыс. чел., то на Шахри-Сохте — 20 тыс., а в каждой из четырех протоиндских столиц — вдвое или втрое больше. Города являлись центрами ремесленного производства, и самые богатые могилы на Шахри-Сохте — это погребения квалифицированных ремесленников [Piperno 1979].

Степень изученности культур Китая III–II тыс. до н.э. значительно ниже, чем культур Передней Азии и Нового Света. Тем не менее восточноазиатская специфика примерно понятна. Значительных вариаций по отдельным территориям здесь не заметно. Монументальные сооружения, сокровища (в данном случае изделия не из золота, а из нефрита и позже из бронзы) и крупные поселения появляются в Китае примерно синхронно. Монументальная архитектура представлена скорее дворцами, нежели храмами, хотя, как говорилось выше, отделить одно от другого по археологическим данным трудно. Пока наиболее ранним примером сложного общества кажется культура лянчжу (к югу от устья Янцзы), но это впечатление может быть обманчиво, поскольку лянчжу привлекает больше внимания — с ней связано большинство находок неолитических изделий из нефрита. С середины III тыс. до н.э. тенденции к росту социополитической сложности становятся заметны в разных районах бассейнов Хуанхэ и Янцзы. Со второй четверти II тыс. появляются общества, для которых надежно фиксируются все четыре отобранные нами категории археологических свидетельств, указывающих на усложнение социополитической организации.

Ход развития в Новом Свете, по крайней мере в Центральном Андах, отличался от хода развития как в Передней Азии, так и в Китае. Во второй четверти III тыс. до н.э. (если

не во второй половине IV тыс. до н.э.) на севере Перу появляются памятники монументальной общественно-культовой архитектуры объемом 10–15 тыс. куб. м. Через тысячу лет они достигают гигантских размеров — 2 млн. куб. м и более. Материальная культура этого времени очень бедна, значительных поселений тоже нет, сооружения, по-видимому, возводились усилиями десятков и редко сотен строителей, но на протяжении длительного времени. В конце II или в начале I тыс. в погребениях появляются изделия из золота, но лишь после рубежа нашей эры численность обитателей на поселениях вокруг некоторых монументальных центров начинает приближаться к 10 тыс. В Андах иногда встречаются поселения и без монументальной архитектуры, с вероятным числом жителей, достигавшим нескольких тысяч человек. Однако подобные поселения появляются лишь в кризисные периоды после распада сложных систем и в целом для региона не характерны.

Как отметил К. Маковский, один из виднейших специалистов по социальной антропологии Центральных Анд, в древних культурах Перу и Боливии население обычно скапливалось вокруг монументальных общественно-культовых объектов, тогда как на Ближнем Востоке такие объекты появлялись в городах, когда те достигали больших размеров [Makowski 1996: 78; 2008: 640]. Основой власти элиты в обществах Древней Америки являлся контроль над циркулирующей изделий и материалов, связанных с престижным потреблением, а также над эзотерическим знанием. О последнем, в частности, свидетельствуют данные об использовании сильных галлюциногенов. Изображения наркотиков, предметы, связанные с их использованием, и изображения этих предметов встречаются в культурах как II–I тыс. до н.э., так и I тыс. н.э., когда в Андах существовали очень сложные политические образования, для которых характерны системы поселений с четырьмя и даже пятью уровнями иерархии. Участниками ритуалов были представители высшей элиты. Для культур андского пояса и юго-востока Центральной Америки характерны также изображения голов-трофеев. Они тоже встречаются в обществах самого разного уровня и отражают не степень военной активности (она сильно варьировала), а особенности идеологии и ритуальные практики.

Там, где политическая организация опиралась на контроль за престижным потреблением и эзотерическим знанием, ее стабильность должна была прямо зависеть от доверия к соответствующим формам идеологии. Распад сложных политических систем в некоторых случаях трудно объяснить чем-либо иным, кроме как идеологическим кризисом. В Передней Азии нечто подобное можно предполагать только для IX тыс. до н.э. — времени исчезновения памятников круга Гёбекли-тепе и появления новой идеологии, сохранявшейся в регионе практически до распространения мировых религий [Cauvin 1994]. Деурбанизация южного Леванта в конце III тыс. до н.э. или же Ирана, южной Туркмении и долины Инда во второй половине и середине II тыс. до н.э. обусловлена совершенно другими причинами — аридизацией климата и невозможностью снабжать продовольствием и водой большие скопления людей. В Америке природные катастрофы не были редкостью, но их влияние ограничивалось значительно меньшими территориями, чем влияние кризисов, обусловленных утратой доверия к прежней элите.

Мы указали лишь на самые главные отличия в политических системах Передней Азии и Южной Америки. Чем подробнее описание, тем эти различия заметнее. Использование универсальных ярлыков для характеристики данных обществ различия затемняет и смазывает. В то же время отказ от прослеживания общих тенденций делает региональные исследования несопоставимыми и возвращает нас к достьюардовским временам — к историческому партикуляризму Ф. Боаса. Вряд ли следует, да и бессмысленно призывать к отказу от использования терминов типа «раннее государство» или «вождество». Дело не в терминах, а в их определении. На мой взгляд, наличие всех четырех археологически видимых признаков, свидетельствующих о значительном усложнении политической организации (монументальная архитектура, крупные поселения, сокровища, четырехуровневая иерархия поселений), достаточно для того, чтобы условно именовать соответствующие общества государствами или, точнее, достигшими государственного уровня организации. В этом смысле Мочика, Уари, Эрлитоу или Монте-Альбан государствами являются. Урук — видимо, тоже, хотя отсутствие сокровищ (возможно, пока просто не найденных)

свидетельствует об отличиях в политической организации общества юга Месопотамии IV тыс. до н.э. не только от американских обществ сопоставимого уровня сложности, но и от обществ Месопотамии III тыс. до н.э.

Сказанное не значит, что общество побережья Перу в первой половине и середине I тыс. н.э. (культура мочика) с его плохо понятной соподчиненностью центров в отдельных долинах было более развитым, чем высоко урбанизованное общество Урука, создавшее первую в мире письменность, и организовавшее далекие колонии типа Хабубы-Кабиры. Эти общества различны почти по всем пунктам. Но выбрав чисто археологические критерии и не пытаясь реконструировать конкретные формы управления (что на сегодняшний день невозможно), мы в состоянии сравнить основные направления развития регионов. Соответствующие тенденции видны на рис. 1. Коррекции могут подвергаться условно принятые параметры, например, связанные с вероятной численностью населения, принятой для того, чтобы считать поселения крупными, или же касающиеся критериев оценки для определения вещей как «сокровищ», а общественно-культурных сооружений в качестве «монументальных». Тем не менее сами критерии объективны, они могут быть выражены цифрами и не зависят от предположений и реконструкций отдельных исследователей.

Принимая подобный подход, мы признаем тот факт, что археология является «этной» наукой [Harris 1979: 53; Pike 1954: 8–28] и не может претендовать на описание того видения мира, которое было свойственно создателям археологических культур. Вопрос же о том, является ли определенное политическое образование «государством», не может обойтись без изучения «эмной» позиции. Если общество Эрлитоу действительно соответствует династии Ся (что вполне вероятно, хотя и не общепризнанно [Liu 2009]) и если знаменитый образ «мандата неба» появился в бассейне Хуанхэ уже в XVIII–XVI вв. до н.э., то тогда Эрлитоу можно было бы называть «настоящим» государством, то есть государством в «этном» и «эмном» смыслах. Но если этот образ возник позже, например в политическом образовании Янши, которое с Эрлитоу, по-видимому, и покончило, то тогда первым «настоящим» государством в Восточной Азии оказывается

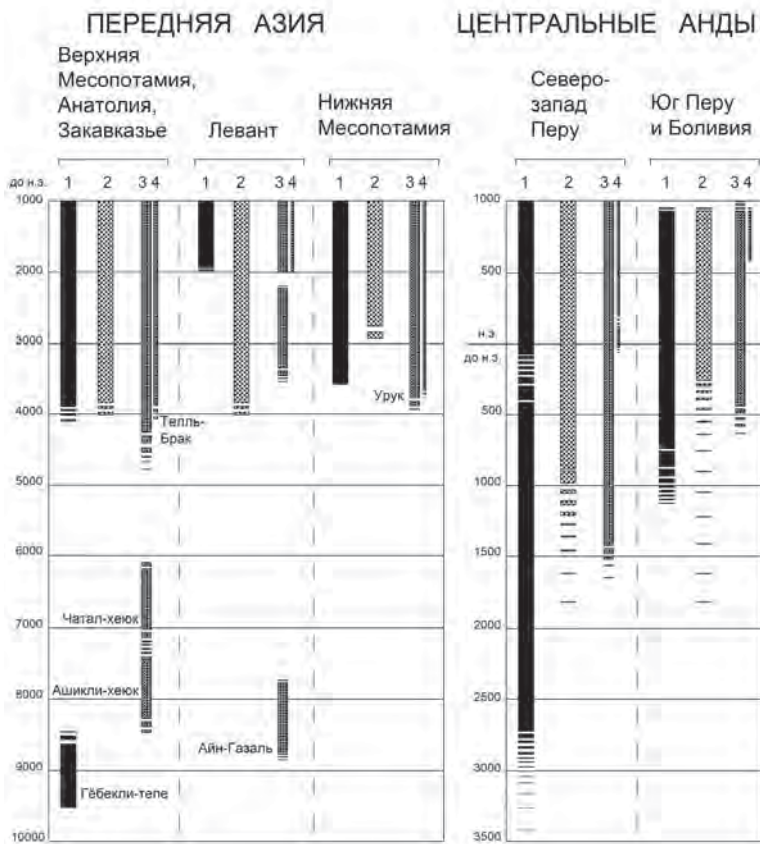

Рис. 1. Время появления общественных сооружений, сокровищ и крупных поселений в Передней Азии и в Центральных Андах
 1. Монументальные сооружения. 2. Сокровища (золото).
 3. Поселения с числом жителей более 1,5-2 тыс. чел.
 4. Поселения с числом жителей более 10 тыс. чел.

именно Янши. Так же и в Шумере о «настоящем» государстве можно говорить после того, как появились понятие сходящей с неба «царственности» и представление об этой «царственности» как о норме [Дьяконов 1983]. Существовали или нет такие понятия уже в IV тыс. до н.э., мы никогда не узнаем, поскольку урукские таблички подобной информации заведомо не содержат. Что касается Центральных Анд,

то не похоже, чтобы там имелось что-то подобное. Отсюда — множество архаических особенностей политической и хозяйственной системы инков, связанных с отсутствием ясной и всеми признаваемой, раз и навсегда обретенной легитимности централизованного правления.

Березкин Ю.Е., в печати. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН.

Гринин Л.Е. 2006. Раннее государство и его аналоги // РГАА. С. 85–163.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2012. Вождества и их аналоги: к типологии среднесложных обществ // ПАТСО. С. 92–123.

Деоник Д.В. 2009. Царство Мо — первое государство Восточной и Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность. М.: МГУ. С. 17–44.

Дьяконов И.М. 1983. Раннединастический период в Двуречье и Эламе // История Древнего Востока. М.: ГРВЛ. Ч. 1. С. 162–232.

Корниенко Т.В. 2011. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор // Археологические вести. Вып. 17. С. 70–95.

Лантев С.В. 2006. Предыстория и история народов Вьет: археология Нижнего Янцзы и Юго-Восточного Китая периода от раннего неолита до раннего железного века. М.: ИСАА МГУ. Т. 1.

Carneiro R.L. 1970. A theory of the origin of the state // Science. 169. P. 733–738.

Carneiro R. 1987. Cross-currents in the theory of state formation // American Ethnologist. 14 (4). P. 756–770.

Claessen H., Velde P. van de, Estellie Smith M. (eds.). 1985. Development and decline: the evolution of sociopolitical organization. South Hadley, Mass.: Bergin & Garvey.

Cauvin J. 1994. Naissance des divinités, naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique. P.: CNRS Éditions.

D'Altroy T.N., Earle T.K. 1985. Staple finance, wealth finance, and storage in the Inka political economy // CA. 26(2). P. 187–206.

Drennan R.D., Uribe C.A. (eds.). 1987. Chiefdoms in the Americas. Lanham; N.Y.; L.: University Press of America.

Earle T.K. 1987. Chiefdoms in archaeological and ethnohistorical perspective // ARA. 16. P. 279–308.

Grinin L., Korotayev A. 2011. Chiefdoms and their analogues: alternatives of social evolution at the societal level of medium cultural complexity // SEH. 10 (1). P. 276–334.

Harris M. 1979. Cultural Materialism: the Struggle for the Science of Culture. N.Y.: Random House.

Jones G.D., Kautz R.R. 1981. The Transition to Statehood in the New World. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press.

Lee Y.K. 2004. Control strategies and polity competition in the lower Yi-Luo Valley, North China // *JAA*. 23 (2004). P. 172–195.

Liu L. 2003. “The products of minds as well as of hands”: production of prestige goods in the Neolithic and Early State periods of China // *Asian Perspectives*. 42 (1). P. 1–40.

Liu L. 2005. The Chinese Neolithic. Trajectories to Early State. Cambridge: Cambridge University Press.

Liu L. 2009. Academic freedom, political correctness, and early civilization in Chinese archaeology: the debate on Xia-Erlitou relations // *Antiquity*. 83 (321). P. 831–843.

Makowski K. 1996. La ciudad y el origen de la civilización en los Andes // *Estudios Latinoamericanos* (Varsovia). 17. P. 63–88.

Makowski K. 2008. Andean urbanism // *Handbook of South American Archaeology*. N.Y.: Springer. P. 633–657.

Pike K.L. 1954. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior. Glendale: Summer Institute of Linguistics.

Piperno M. 1979. Socio-economic implications from the graveyard of Shahr-i Sokhta // *South Asian Archaeology*. Naples: Instituto Universitario Orientale. Vol. 1. P. 123–139.

Quilter J., Koons M.L. 2012. The fall of the Moche: a critique of claims for the New World’s first state // *Latin American Antiquity*. 23 (2). P. 127–143.

Reichel-Dolmatoff G. 1975. Templos kogi // *Revista Colombiana de Antropología*. 19. P. 199–243.

Reichel-Dolmatoff G. 1985. Los Kogi. Bogotá: Procultura. Vol. 1.

Sage S.F. 1992. Ancient Sichuan and the Unification of China. N.Y.: State University of New York Press.

Schmidt K. 1999. The 1999 campaign at Göbekli Tepe (Southeastern Turkey) // *Neo-Lithics*. 3. P. 12–15.

Schmidt K. 2001. Göbekli Tepe, Southeastern Turkey. A preliminary report on the 1995–1999 excavations // *Paléorient*. 26 (1). P. 45–54.

Stein G. 1994. Economy, ritual, and power in 'Ubaid Mesopotamia // *Chiefdoms and Early States in the Near East*. Madison: Prehistory Press. P. 35–46.